

ПОЗИЦИЯ США И АНГЛИИ
В ОТНОШЕНИИ ТУРЦИИ
(ноябрь 1942 г.— декабрь 1943 г.)

■
А. Г. Чевтаев

В конце 1942 — начале 1943 г. в связи с коренным переломом в ходе второй мировой войны дипломатия союзников активизировала свои действия в ряде нейтральных стран, расположенных вблизи основных театров военных действий. Особое внимание уделялось Турции ввиду ее стратегического положения и той позиции, которую правящие круги этой страны занимали в отношении воюющих сторон.

Борьба США и Англии за утверждение своего влияния в Турции в годы войны и втягивание ее в орбиту политики западных союзников привлекали внимание советских историков. Однако вопросы соперничества на начальной фазе этой борьбы, приведшей к установлению после войны безраздельного господства Вашингтона в Турции, до сих пор остаются малоизученными¹. Что же касается обширной зарубежной мемуарной и исследовательской литературы, то она по большей части носит тенденциозный характер². В ней, как правило, обходятся вопросы межсоюзнических противоречий и борьбы за влияние на Анкару, проводится мысль, якобы политика западных держав в Турции отвечала общим интересам антигитлеровской коалиции.

В данной статье на основе некоторых британских архивных

¹ Миллер А. Ф. Новейшая история Турции. М., 1948; Сахибов Ш. О характере нейтралитета Турецкой республики во второй мировой войне.— «Труды Андиганского гос. пединститута», т. 7. Андижан, 1961; Новейшая история Турции. М., 1968. Из последних работ следует отметить статьи Н. А. Смирновой «Позиция США на Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г.» и «Позиция США на Каирской конференции в ноябре — декабре 1943 г.», опубликованные в «Американском ежегоднике» за 1974 и 1976 гг. В кандидатской диссертации Р. С. Корхмазян «Турецко-германские отношения в годы второй мировой войны» (М., 1975) частично затронута политика западных держав в рассматриваемый период.

² Hull C. The Memoirs, Vol. 2. New York, 1948; Churchill W. S. The Second World War, Vol. IV. London, 1950, Vol. V. London, 1951; Knatchbull-Hugessen H. Diplomat in Peace and War. London, 1949; Wilson H. M. Eight Years Overseas. 1939—1947. London, 1950; Leahy W. I was There. New York, 1950; Papen F. Memoirs. New York, 1953; Eden A. The Reckoning. London, 1965; The Diaries of A. Kadogan. London, 1971; İnönü İ. Turkey: ten years 1938—1947. New York, 1948; Esmer A. S. The straits: Crux of World

материалов³ и публикаций документов госдепартамента США исследуются вопросы соперничества и борьбы дипломатии англо-американских союзников за влияние на Турцию в рамках их большой стратегии. Хронологические рамки исследования определяются военно-политическими рубежами данного периода войны.

В силу особенностей расстановки военно-политических сил внутри западных союзников на различных театрах военных действий к концу 1942 г. инициатива в постановке вопросов союзной большой стратегии относительно Турции принадлежала Англии. Еще в сентябре 1942 г., в одной из первых разработок британского комитета начальников штабов на период после высадки союзников в Марокко и Алжире в ноябре 1942 г., говорилось: «Очищение Северной Африки откроет средиземноморский путь... и вместе с захватом Крита и островов Додеканес сделает возможным дальнейший нажим на Турцию, чтобы втянуть ее в войну...»⁴ Английские стратеги были готовы сделать западный бассейн Средиземного моря «зоной исключительно американской ответственности», чтобы в порядке взаимности получить руководство военно-политическими действиями союзников в Восточном Средиземноморье.

Однако Рузвельт не поддержал идею самостоятельности двух стратегических направлений в бассейне Средиземного моря, а в отношении Турции предложил более осторожную формулу: получить «турецкую поддержку для атаки германского фланга через Черное море»⁵.

Politics.— «Foreign Affairs», 1947, Jan.; *Acikalin C.* Turkey's International Relations.— «International Affairs», 1947, Oct.; *Ataöv T.* Turkish Foreign Policy 1939—1945. Ankara, 1965; *Weisband E.* Turkish Foreign Policy 1943—1945. Small state diplomacy and great power politics. Princeton, 1973; *Howard H. N.* Turkey, the Straits and the US Policy. Baltimore, 1974; *McNeill W. H.* American, Britain and Russia. Their Co-Operation and Conflict 1941—1946. London, 1953; *Ehrman J.* Grand Strategy, Vol. 5. London, 1956 (рус. пер.: *Эрман Дж.* Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944. М., 1958); *Malloff M.* Strategic Planning for Coalition Warfare, 1943—1944. Washington, 1959; *Howard M.* Grand Strategy, Vol. 4. London, 1972.

³ Автор выражает признательность сотрудникам Государственного архива Англии и Центра военных архивов им. Б. Лиддел Гарта при Кингс колледже (Лондон) за любезное содействие при работе над архивными материалами.

⁴ Public Record Office (далее — PRO), CAB 80, COS (42) 137.

⁵ The Center for Military Archives, King's College. London, Ismay's Papers (далее — CMA, Ismay's Papers), VI/2, T. 1525/2. Едва ли можно согласиться с мнением американского историка К. Грипфилда, что Рузвельт поощрял «самые оптимистические расчеты Черчилля» о концентрации основных сил союзников на Средиземном море и тем более в его восточном бассейне (*Greenfield K.* American Strategy in World War II: A Reconsideration. Baltimore, 1963, p. 70). Своим посланием президент скорее давал понять, что США не намерены оставаться на «запасном пути» и в этом районе. Содержание ответа Черчилля 18 ноября и особенно его памятная записка для комитета начальников штабов показывают, что Лондон твердо рассчитывал на ведущую роль в восточносредиземноморских и

Несмотря на расхождение позиций США и Англии в турецком вопросе, Лондон использовал американский подход в пропагандистских целях; 24 ноября Черчилль с разрешения президента направил главе Советского правительства послание, в котором просил одобрить следующую программу действий в отношении Турции: присоединение США к англо-советской гарантии территории и статута Турции; продолжение сооружения аэродромов и расширение поставок танков, противотанковых и зенитных орудий, в том числе по ленд-лизу из США; посылка в Турцию крупной англо-американской военной миссии⁶.

Хотя Черчилль пытался представить свои турецкие планы как серьезную помощь СССР, содержание послания и тот факт, что с Москвой не консультировались при обсуждении столь важного вопроса, свидетельствуют о своекорыстных расчетах западной дипломатии.

В ответе 27 ноября Сталин в общей форме выразил согласие с предложениями Черчилля, но недвусмысленно возразил против подмены открытия второго фронта в 1943 г. действиями в Восточном Средиземноморье и Турции⁷. Вместо обсуждения восточно-средиземноморского варианта Советское правительство предложило провести в Москве переговоры трех генеральных штабов для согласования планов действий союзников в Западной Европе с наступательными операциями Советской Армии на Восточном фронте в 1943 г.⁸

31 декабря 1942 г. военный кабинет Англии одобрил документ под названием «Американо-британская стратегия в 1943 г.» и направил его в Вашингтон как основу для дискуссии на предстоявшей встрече Рузвельта и Черчилля в Касабланке. И снова Лондон пытался представить свои предложения в отношении Турции перспективными с точки зрения интересов «большой тройки». Это касалось прежде всего закрытия Дарданелл для держав «оси» и открытие их для Объединенных Наций и создания с турецкой территории потенциальной угрозы гитлеровским войскам на Балканах и части Юга СССР⁹.

В действительности английские планы имели в виду создание предпосылок для прочного закрепления британского империализма в Турции и для использования ее в борьбе против СССР и демократического национально-освободительного движения на

турецких делах союзников (PRO, CAB 66/31, WP(42)543; CMA, Ismay's Papers, VI/2, T. 1525/2).

⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (далее — Переписка...), т. I. М., 1957, с. 76—77.

⁷ Переписка..., т. I, с. 79. Поэтому неверно утверждение турецкого историка Т. Атаёва, который вслед за Черчиллем повторяет, что Сталин был «полностью согласен» с англо-американскими планами относительно Турции (Ataöv T. Op. cit., p. 105).

⁸ Переписка..., т. I, с. 78—79; CMA, Ismay's Papers, VI/2, T. 1632/2.

⁹ PRO, CAB 80, COS(42)466(O) Final, Annex II.

Балканах. Как свидетельствуют документы Форни оффис, дипломатия Лондона намеревалась привлечь Турцию к разработке «послевоенного плана для Балкан, чтобы не допустить усиления советского влияния на Балканские страны»¹⁰.

Накануне конференции в Касабланке Вашингтон также определил свою позицию в отношении Турции. На совещании Рузвельта с начальниками штабов США 15 января 1943 г. было решено, что «независимо от того, вступит Турция в войну на стороне Объединенных Наций или нет, мы должны собрать достаточные силы к востоку от турецкой границы, чтобы усилить Турцию на случай ее вступления в войну»¹¹. Важно отметить, что союзные войска предполагалось сосредоточить вблизи восточных границ Турции; для этой цели вполне могли быть использованы американские силы в зоне Персидского залива, тогда как дислоцирование войск США поблизости от западных границ Турции в тот период было практически невозможно.

Англичане были довольны тем, что американцы в первые же дни дискуссии в Касабланке согласились с идеей значительного расширения военной помощи Турции и концентрации сил союзников «в турецком тылу» независимо от того, вступит она в войну в ближайшее время или нет¹². Но Лондон стремился стать лидером в реализации этих замыслов.

18 января на совещании Рузвельта и Черчилля с Объединенным комитетом начальников штабов британский премьер предложил предоставить англичанам право вести все дела с Турцией в военное время от имени союзников, «поскольку большинство войск, которые могут быть вовлечены в помощь ей, будут английскими». Он весьма кстати напомнил, что это будет выглядеть «точно так же, как США в настоящее время играют ведущую роль в китайских делах»¹³.

Рузвельт вынужден был согласиться¹⁴.

Вслед за тем английская делегация внесла на обсуждение меморандум «Союзные планы относительно Турции». В первой его части излагались взгляды англичан на отношение Турции к воюющим странам и ее позиция на случай быстрого и полного поражения фашистской Германии на Восточном фронте. Этот документ свидетельствовал о несоюзнической позиции Лондона в турецко-советских отношениях и неправильном их освещении. В нем говорилось: «Россия может распространить свое влияние через Румынию и Болгарию и поставить Турцию перед фактом

¹⁰ PRO, FO, 371/33154, R/882/ — /67.

¹¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The conferences at Washington and Casablanca (далее — FRUS..., Casablanca). Washington, 1968, p. 560.

¹² Ibid., p. 560, 582.

¹³ Ibid., p. 634.

¹⁴ Подробнее см.: Севостьянов Г. И. Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1969, гл. 4.

возможности контроля над турецкой западной дверью в Европу, а также над ее черным входом в Азию... Она должна надеяться на (западных.— А. Ч.) союзников, и особенно на Британскую империю, чтобы те поддерживали ее в сопротивлении чрезмерным русским требованиям относительно прохода через проливы». Конечный вывод этой части меморандума едва ли требует комментариев: «Англо-американская дипломатия должна использовать турецкие страхи перед Россией»¹⁵.

На следующем этапе, после вовлечения Турции в русло британской политики, планировалось использовать ее территорию как трамплин для вторжения на Балканы: вначале захватить Додеканес и открыть Эгейское море для флота союзников, затем начать сухопутное наступление из Фракии в направлении Салоник с последующим изгнанием войск «оси» из Греции¹⁶.

При обсуждении этого меморандума американцы не возражали против общей политической основы английских предложений, в частности против их антисоветской направленности¹⁷. Дискуссия еще раз показала, что реальные замыслы западных держав в отношении Турции не отвечали тем заверениям, которые давались Черчиллем в послании Советскому правительству в конце ноября 1942 г. Они не ставили задачи оказать существенную помощь СССР своими действиями в Восточном Средиземноморье. Ни в меморандуме, ни в дискуссии вообще не упоминались такие цели, как открытие проливов для поставок Советскому Союзу по ленд-лизу или использование союзных ВВС в Турции для помощи Советской Армии на южном крыле Восточного фронта¹⁸.

Но американцев настораживали намерения Лондона быть ведущей силой союзников в вовлечении Турции в орбиту Запада. В первый же день обсуждения меморандума возник конфликт по поводу данного на этот счет согласия Рузвельта. Начальник интендантской службы американской армии генерал Б. Сомервелл заявил, что накануне встречи в Касабланке «госдепартамент достиг соглашения с британской миссией связи в Вашингтоне о методах поставок военного снаряжения туркам на основе прямых каналов между Вашингтоном и Анкарой»¹⁹. Американцы хотели, сохранив это соглашение в силе, пренебречь обещанием президента. Однако англичане решительно потребовали пересмотреть упомянутое соглашение в духе «формулы Касабланки». Этот спор, в котором принял участие начальник штаба армии генерал Дж. Маршалл, закончился 20 января. В решении по британ-

¹⁵ Allied Plans Relating to Turkey.—FRUS..., Casablanca, p. 765. СССР всей своей политикой на деле доказал не только уважение независимости и территориальной целостности Турции, но и полное соблюдение конвенции Монте.

¹⁶ FRUS..., Casablanca, p. 778—781.

¹⁷ Ibid., p. 650—652, 659—660.

¹⁸ Ibid., p. 764—773.

¹⁹ FRUS..., Casablanca, p. 650; FRUS, 1942, Vol. 4. Washington, 1963, p. 677 ff.

Балканах. Как свидетельствуют документы Форин-оффиса, дипломатия Лондона намеревалась привлечь Турцию к разработке «противовоенного плана для Балкан, чтобы не допустить усиления советского влияния на Балканские страны»¹⁰.

Накануне конференции в Касабланке Вашингтон также определил свою позицию в отношении Турции. На совещании Рузвельта с начальниками штабов США 15 января 1943 г. было решено, что «независимо от того, вступит Турция в войну на стороне Объединенных Наций или нет, мы должны собрать достаточные силы к востоку от турецкой границы, чтобы усилить Турцию на случай ее вступления в войну»¹¹. Важно отметить, что союзные войска предполагалось сосредоточить вблизи восточных границ Турции; для этой цели вполне могли быть использованы американские силы в зоне Персидского залива, тогда как дислоцирование войск США поблизости от западных границ Турции в тот период было практически невозможно.

Англичане были довольны тем, что американцы в первые же дни дискуссии в Касабланке согласились с идеей значительного расширения военной помощи Турции и концентрации сил союзников «в турецком тылу» независимо от того, вступит она в войну в ближайшее время или нет¹². Но Лондон стремился стать лидером в реализации этих замыслов.

18 января на совещании Рузвельта и Черчилля с Объединенным комитетом начальников штабов британский премьер предложил предоставить англичанам право вести все дела с Турцией в военное время от имени союзников, «поскольку большинство войск, которые могут быть вовлечены в помощь ей, будут английскими». Он весьма кстати напомнил, что это будет выглядеть «точно так же, как США в настоящее время играют ведущую роль в китайских делах»¹³.

Рузвельт вынужден был согласиться¹⁴.

Вслед за тем английская делегация внесла на обсуждение меморандум «Союзные планы относительно Турции». В первой его части излагались взгляды англичан на отношение Турции к воюющим странам и ее позиция на случай быстрого и полного поражения фашистской Германии на Восточном фронте. Этот документ свидетельствовал о несоюзнической позиции Лондона в турецко-советских отношениях и неправильном их освещении. В нем говорилось: «Россия может распространить свое влияние через Румынию и Болгарию и поставить Турцию перед фактом

¹⁰ PRO, FO, 371/33154, R/882/ — /67.

¹¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The conferences at Washington and Casablanca (далее — FRUS..., Casablanca). Washington, 1968, p. 560.

¹² Ibid., p. 560, 582.

¹³ Ibid., p. 634.

¹⁴ Подробнее см.: Севостьянов Г. И. Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1969, гл. 4.

Балканах. Как свидетельствуют документы Форин оффис, дипломатия Лондона намеревалась привлечь Турцию к разработке «последовенного плана для Балкан, чтобы не допустить усиления советского влияния на Балканские страны»¹⁰.

Накануне конференции в Касабланке Вашингтон также определил свою позицию в отношении Турции. На совещании Рузвельта с начальниками штабов США 15 января 1943 г. было решено, что «независимо от того, вступит Турция в войну на стороне Объединенных Наций или нет, мы должны собрать достаточные силы к востоку от турецкой границы, чтобы усилить Турцию на случай ее вступления в войну»¹¹. Важно отметить, что союзные войска предполагалось сосредоточить вблизи восточных границ Турции; для этой цели вполне могли быть использованы американские силы в зоне Персидского залива, тогда как дислоцирование войск США поблизости от западных границ Турции в тот период было практически невозможно.

Англичане были довольны тем, что американцы в первые же дни дискуссии в Касабланке согласились с идеей значительного расширения военной помощи Турции и концентрации сил союзников «в турецком тылу» независимо от того, вступит она в войну в ближайшее время или нет¹². Но Лондон стремился стать лидером в реализации этих замыслов.

18 января на совещании Рузвельта и Черчилля с Объединенным комитетом начальников штабов британский премьер предложил предоставить англичанам право вести все дела с Турцией в военное время от имени союзников, «поскольку большинство войск, которые могут быть вовлечены в помощь ей, будут английскими». Он весьма кстати напомнил, что это будет выглядеть «точно так же, как США в настоящее время играют ведущую роль в китайских делах»¹³.

Рузвельт вынужден был согласиться¹⁴.

Вслед за тем английская делегация внесла на обсуждение меморандум «Союзные планы относительно Турции». В первой его части излагались взгляды англичан на отношение Турции к воюющим странам и ее позиция на случай быстрого и полного поражения фашистской Германии на Восточном фронте. Этот документ свидетельствовал о несоюзнической позиции Лондона в турецко-советских отношениях и неправильном их освещении. В нем говорилось: «Россия может распространить свое влияние через Румынию и Болгарию и поставить Турцию перед фактом

¹⁰ PRO, FO, 371/33154, R/882/ — /67.

¹¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The conferences at Washington and Casablanca (далее — FRUS..., Casablanca). Washington, 1968, p. 560.

¹² Ibid., p. 560, 582.

¹³ Ibid., p. 634.

¹⁴ Подробнее см.: Севостьянов Г. Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1969, гл. 4.

Балканах. Как свидетельствуют документы Форин оффис, дипломатия Лондона намеревалась привлечь Турцию к разработке «послевоенного плана для Балкан, чтобы не допустить усиления советского влияния на Балканские страны»¹⁰.

Накануне конференции в Касабланке Вашингтон также определил свою позицию в отношении Турции. На совещании Рузвельта с начальниками штабов США 15 января 1943 г. было решено, что «независимо от того, вступит Турция в войну на стороне Объединенных Наций или нет, мы должны собрать достаточные силы к востоку от турецкой границы, чтобы усилить Турцию на случай ее вступления в войну»¹¹. Важно отметить, что союзные войска предполагалось сосредоточить вблизи восточных границ Турции; для этой цели вполне могли быть использованы американские силы в зоне Персидского залива, тогда как дислоцирование войск США поблизости от западных границ Турции в тот период было практически невозможно.

Англичане были довольны тем, что американцы в первые же дни дискуссии в Касабланке согласились с идеей значительного расширения военной помощи Турции и концентрации сил союзников «в турецком тылу» независимо от того, вступит она в войну в ближайшее время или нет¹². Но Лондон стремился стать лидером в реализации этих замыслов.

18 января на совещании Рузвельта и Черчилля с Объединенным комитетом начальников штабов британский премьер предложил предоставить англичанам право вести все дела с Турцией в военное время от имени союзников, «поскольку большинство войск, которые могут быть вовлечены в помощь ей, будут английскими». Он весьма кстати напомнил, что это будет выглядеть «точно так же, как США в настоящее время играют ведущую роль в китайских делах»¹³.

Рузвельт вынужден был согласиться¹⁴.

Вслед за тем английская делегация внесла на обсуждение меморандум «Союзные планы относительно Турции». В первой его части излагались взгляды англичан на отношение Турции к воюющим странам и ее позиция на случай быстрого и полного поражения фашистской Германии на Восточном фронте. Этот документ свидетельствовал о несоюзнической позиции Лондона в турецко-советских отношениях и неправильном их освещении. В нем говорилось: «Россия может распространить свое влияние через Румынию и Болгарию и поставить Турцию перед фактом

¹⁰ PRO, FO, 371/33154, R/882/ — /67.

¹¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The conferences at Washington and Casablanca (далее — FRUS..., Casablanca). Washington, 1968, p. 560.

¹² Ibid., p. 560, 582.

¹³ Ibid., p. 634.

¹⁴ Подробнее см.: Севостьянов Г. И. Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1969, гл. 4.

возможности контроля над турецкой западной дверью в Европу, а также над ее черным входом в Азию... Она должна надеяться на (западных, — А. Ч.) союзников, и особенно на Британскую империю, чтобы те поддерживали ее в сопротивлении чрезмерным русским требованиям относительно прохода через проливы». Конечный вывод этой части меморандума едва ли требует комментариев: «Англо-американская дипломатия должна использовать турецкие страхи перед Россией»¹⁵.

На следующем этапе, после вовлечения Турции в русло британской политики, планировалось использовать ее территорию как трамплин для вторжения на Балканы: вначале захватить Додеканес и открыть Эгейское море для флота союзников, затем начать сухопутное наступление из Фракии в направлении Салоник с последующим изгнанием войск «оси» из Греции¹⁶.

При обсуждении этого меморандума американцы не возражали против общей политической основы английских предложений, в частности против их антисоветской направленности¹⁷. Дискуссия еще раз показала, что реальные замыслы западных держав в отношении Турции не отвечали тем заверениям, которые давались Черчиллем в послании Советскому правительству в конце ноября 1942 г. Они не ставили задачи оказать существенную помощь СССР своими действиями в Восточном Средиземноморье. Ни в меморандуме, ни в дискуссии вообще не упоминались такие цели, как открытие проливов для поставок Советскому Союзу по ленд-лизу или использование союзных ВВС в Турции для помощи Советской Армии на южном крыле Восточного фронта¹⁸.

Но американцев настораживали намерения Лондона быть ведущей силой союзников в вовлечении Турции в орбиту Запада. В первый же день обсуждения меморандума возник конфликт по поводу данного на этот счет согласия Рузвельта. Начальник интендантской службы американской армии генерал Б. Сомервелл заявил, что накануне встречи в Касабланке «госдепартамент достиг соглашения с британской миссией связи в Вашингтоне о методах поставок военного снаряжения туркам на основе прямых каналов между Вашингтоном и Анкарой»¹⁹. Американцы хотели, сохранив это соглашение в силе, пренебречь обещанием президента. Однако англичане решительно потребовали пересмотреть упомянутое соглашение в духе «формулы Касабланки». Этот спор, в котором принял участие начальник штаба армии генерал Дж. Маршалл, закончился 20 января. В решении по британ-

¹⁵ Allied Plans Relating to Turkey.—FRUS..., Casablanca, p. 765. СССР всей своей политикой на деле доказал не только уважение независимости и территориальной целостности Турции, но и полное соблюдение конвенции Монте.

¹⁶ FRUS..., Casablanca, p. 778—781.

¹⁷ Ibid., p. 650—652, 659—660.

¹⁸ Ibid., p. 764—773.

¹⁹ FRUS..., Casablanca, p. 650; FRUS, 1942, Vol. 4. Washington, 1963, p. 677 ff.

скому меморандуму фиксировалось согласие партнеров на то, что «Турция расположена в сфере английской ответственности и все дела, связанные с ней, должны проходить через Англию таким же образом, как все дела, связанные с Китаем, осуществляются через США»²⁰.

Но тут же говорилось, что ответственность Англии за определение объема и подготовку заявок на военное снабжение для Турции должна находиться «под общим руководством Объединенного комитета начальников штабов» и что все эти заявки будут представляться в оба комитета по распределению поставок в Лондон и Вашингтон²¹. Таким образом, американцам удалось ослабить значение уступки Рузвельта и не допустить полного господства англичан в реализации союзной политики и стратегии в отношении Турции. Правда, с формальной точки зрения оговорка касалась только военных вопросов в связи с отношениями с Турцией, точнее военных поставок. Позднее в Лондоне воспользовались этим обстоятельством²².

В Касабланке западные лидеры договорились провести встречу между британским премьером и турецкими руководителями. Вероятно, это была идея Черчилля, и впервые она была высказана 19 января, вслед за принятием «формулы Касабланки»²³. 20 января Черчилль сообщил в Лондон о согласии президента на первостепенную ответственность в турецких делах «относительно поставок и на дипломатическом поприще» и о своем намерении посетить Ближний Восток и встретиться там с турками²⁴.

Британский кабинет вначале не поддержал своего премьера. В Лондоне не без оснований считали шансы на вовлечение Турции в далеко идущие планы Черчилля незначительными и полагали, что Анкара «будет выжидать исхода борьбы в России и Северной Африке, а также соответствующего изменения положения Германии на Балканах». Там опасались, что неудача предполагаемого подхода к Турции создаст трудности на пути вовлечения ее в фарватер британской политики и что в «будущем с ней труднее будет иметь дело по этому вопросу»²⁵.

Помимо этого правительство было озабочено намерением Черчилля вести разговор об оснащении турецкой армии новейшим

²⁰ FRUS..., Casablanca, p. 658.

²¹ Ibid., p. 659.

²² В свете вышеизложенного вызывает, мягко говоря, недоумение утверждение американского историка Э. Вейсбанда, что в Касабланке англичане «вероятно, действовали в тесном контакте с русскими» и чуть ли не в интересах последних. Впрочем, это заявление ничем не подкреплено, кроме «личных интервью» с тогдашними турецкими деятелями, включая президента Н. Иненю (Weisband E. Op. cit., p. 131—132).

²³ FRUS..., Casablanca, p. 643.

²⁴ PRO, CAB 66/37, WM(43)12—9(CA), Jan. 20, 1943. Черчилль, конечно, не случайно расширил толкование «формулы Касабланки». Он хотел убедительнее представить в Лондоне свой успех и снять возможные возражения против встречи с турецкими лидерами.

²⁵ PRO, CAB 66/37, WM(43)13—14(CA), p. 32.

скому меморандуму фиксировалось согласие партнеров на то, что «Турция расположена в сфере английской ответственности и все дела, связанные с ней, должны проходить через Англию таким же образом, как все дела, связанные с Китаем, осуществляются через США»²⁰.

Но тут же говорилось, что ответственность Англии за определение объема и подготовку заявок на военное снаряжение для Турции должна находиться «под общим руководством Объединенного комитета начальников штабов» и что все эти заявки будут представляться в оба комитета по распределению поставок — в Лондон и Вашингтон²¹. Таким образом, американцам удалось ослабить значение уступки Рузвельта и не допустить полного господства англичан в реализации союзной политики и стратегии в отношении Турции. Правда, с формальной точки зрения оговорка касалась только военных вопросов в связи с отношениями с Турцией, точнее военных поставок. Позднее в Лондоне воспользовались этим обстоятельством²².

В Касабланке западные лидеры договорились провести встречу между британским премьером и турецкими руководителями. Вероятно, это была идея Черчилля, и впервые она была высказана 19 января, вслед за принятием «формулы Касабланки»²³. 20 января Черчилль сообщил в Лондон о согласии президента на первостепенную ответственность в турецких делах «относительно поставок и на дипломатическом поприще» и о своем намерении посетить Ближний Восток и встретиться там с турками²⁴.

Британский кабинет вначале не поддержал своего премьера. В Лондоне не без оснований считали шансы на вовлечение Турции в далеко идущие планы Черчилля незначительными и полагали, что Анкара «будет выжидать исхода борьбы в России и Северной Африке, а также соответствующего изменения положения Германии на Балканах». Там опасались, что неудача предполагаемого подхода к Турции создаст трудности на пути вовлечения ее в фарватер британской политики и что в «будущем с ней труднее будет иметь дело по этому вопросу»²⁵.

Помимо этого правительство было озабочено намерением Черчилля вести разговор об оснащении турецкой армии новейшим

²⁰ FRUS..., Casablanca, p. 658.

²¹ Ibid., p. 659.

²² В свете вышеизложенного вызывает, мягко говоря, недоумение утверждение американского историка Э. Вейсбанда, что в Касабланке англичане «вероятно, действовали в тесном контакте с русскими» и чуть ли не в интересах последних. Впрочем, это заявление ничем не подкреплено, кроме «личных интервью» с тогдашними турецкими деятелями, включая президента И. Инею (*Weisband E. Op. cit.*, p. 131—132).

²³ FRUS..., Casablanca, p. 643.

²⁴ PRO, CAB 66/37, WM(43)12—9(CA), Jan. 20, 1943. Черчилль, конечно, не случайно расширил толкование «формулы Касабланки». Он хотел убедительнее представить в Лондоне свой успех и снять возможные возражения против встречи с турецкими лидерами.

²⁵ PRO, CAB 66/37, WM(43)13—14(CA), p. 32.

оружием. Такое предложение шло гораздо дальше того, что было согласовано в вопросе поставок оружия Турции до отъезда Черчилля в Касабланку²⁶.

Только после третьего, и весьма настоятельного, обращения Черчилля 25 января военный кабинет дал свое согласие, удивившись в поддержке Рузвельтом идеи англо-турецкой встречи²⁷. Одновременно Лондон рекомендовал сообщить в Москву об этом намерении, поскольку англичане опасались, что военно-дипломатическая игра Черчилля «турецкой картой» может обернуться серьезным просчетом для него самого. «Помните,— предупреждали министры своего премьера,— что Сталин еще 25 ноября 1942 г. ясно заявил, что не считает турецкий вариант альтернативой второму фронту в Западной Европе весной 1943 г.»²⁸

Вашингтон, хотя и предоставил своему партнеру право играть ведущую роль в делах Турции, не хотел оставаться в стороне даже в организации встречи. 25 января Рузвельт направил послание в Анкару²⁹. Оно придало больший вес просьбе англичан и повысило значение предстоявшей встречи в глазах турецких руководителей. Вполне возможно, что оно стало «наиболее важным фактором» в согласии Иненю пойти на переговоры³⁰.

Англо-турецкая встреча состоялась 30—31 января 1943 г. в Адане. Британская сторона была озабочена прежде всего решением двух проблем. Во-первых, обеспечить вхождение Турции в орбиту западного союза с сохранением и упрочением своего лидерства в отношениях с Анкарой. Во-вторых, создать видимость привлечения Турции на сторону всей антигитлеровской коалиции и даже заботы об улучшении советско-турецких отношений.

Черчилль действительно коснулся последнего обстоятельства, но в такой форме, чтобы бросить тень на советскую политику и подчеркнуть значение британской поддержки для будущего Анкары: «Если Турция станет полностью воюющей страной, она получит всю возможную помощь и право на твердые гарантии своей территории. Англия даст их независимо от любой другой державы»³¹.

Неоднократное подчеркивание необходимости быть среди победителей, «чтобы гарантировать свою безопасность после войны», создавало или даже усиливало впечатление о наличии якобы угрозы безопасности Турции с севера. Британский премьер стремился реализовать одну из важнейших установок рассмотренного выше союзного плана относительно Турции: «Максимально ис-

²⁶ Ibid., p. 33.

²⁷ А. Иден, замещавший Черчилля в Лондоне, пишет, что идея поездки в Адану возникла под влиянием Рузвельта (*Eden A. Op. cit.*, p. 363—364).

²⁸ PRO, CAB 66/37, WM(43), 15(CA), p. 34.

²⁹ FRUS, 1943, Vol. 4. Washington, 1964, p. 1058.

³⁰ *Ulman A. La neutralité turque et les États-Unis. La guerre en Méditerranée.* Paris, 1971, p. 565.

³¹ FRUS, 1943, Vol. 4, p. 1061.

пользовать турецкие опасения России на послевоенный период»³². Излагая в своих «Утренних размышлениях» существо обсуждавшихся в Адане вопросов, Черчилль признал, что он обещал президенту Турции создать при участии Англии и США «коалицию для отпора агрессии со стороны любой державы»³³. Таким образом, документы убедительно опровергают версию самого британского премьера, подхваченную западной историографией, что он «надеялся на возобновление теплых отношений между Россией и Турцией»³⁴.

В зарубежной историографии на основе мемуаров Черчилля существует версия о том, что британский премьер добивался в Адане обещания Турции вступить в войну осенью 1943 г.³⁵ Тщательное изучение всех доступных материалов совещания показывает, что Черчилль не выдвигал такого требования. «Турки, я полагаю, были очень довольны, обнаружив, что мы не требуем от них сделать что-либо определенное», — записал в своем дневнике участник встречи в Адане и ведущий советник Черчилля на этих переговорах, постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кадоган³⁶. «Черчилль не требует от турок никаких обязательств в настоящее время и не просит их о вступлении в войну», — доносил американский посол в Анкаре Л. Штейнгардт³⁷. Наконец, Х. Нэтчбалл-Хьюджессен, тоже участник бесед, подтверждает, что английский лидер занял «весьма разумную позицию» относительно времени турецкого сотрудничества в войне: «Оно может прийти, и лишь тогда мы будем иметь право сделать твердое предложение»³⁸.

Зато Черчилль не скрывал, что рассчитывает на участие Турции в британской политике в отношении Балкан. Он уверял, что турецкие интересы могут заставить Анкару вмешаться, «чтобы предотвратить там анархию». Условия такого вмешательства он видел не только в ослаблении и разгроме Германии, в воз-

³² FRUS..., Casablanca, p. 764.

³³ Howard M. Op. cit., Vol. 4, p. 377. Британский историк не привел ни одного факта запугивания Анкары «опасностью с севера», о котором доносил в Форин оффис тогдашний английский посол в Турции Х. Нэтчбалл-Хьюджессен. Черчилль не только поддержал разговор Иненю о «возможности русской угрозы», но и заявил, что в таком случае «мы создадим как можно более сильную коалицию против нее» (PRO, FO, 371/37516, R 2326/1016/44).

³⁴ Matloff M. Op. cit., p. 66.

³⁵ Churchill W. S. Op. cit., Vol. IV, p. 641; Matloff M. Op. cit., p. 65—66. Вероятно, Черчилль рассуждал, что в случае благоприятного для союзников развития событий на Средиземноморском театре англичанам удастся втянуть Турцию в войну осенью 1943 г. Но он, видимо, отдавал себе отчет в том, что прямо требовать от Анкары такого обещания было бы не лучшим методом действий.

³⁶ The Diaries of A. Kadogan, p. 509. В мемуарах Черчилля также нет указания на то, что он прямо или косвенно добивался у Турции такого обещания (Churchill W. S. Op. cit., Vol. IV, p. 631—641).

³⁷ FRUS, 1943, Vol. 4, p. 1061.

³⁸ PRO, FO, 371/37516, R 2326/1016/44.

можных беспорядках в Болгарии, но и в расширении греческого и югославского движения Сопротивления³⁹.

Турцию нелегко было соблазнить на участие в балканских планах Лондона. Средствами воздействия здесь были не только игра на «угрозе с севера» или явно чрезмерное подчеркивание возможности германского удара с целью овладения ближневосточной нефтью⁴⁰. В Адане Черчилль вручил только для личного пользования Иненю документ, в котором обещал ему «полное равенство на мирной конференции, а также участие» в решении упомянутых вопросов территориальных споров Балканских стран и проблем движения Сопротивления в Югославии и Греции⁴¹.

Турецкие правители, подчеркивая свои симпатии и дружественные отношения к союзникам, особенно к Лондону, все же не спешили идти навстречу британским предложениям. Иненю приветствовал намерение англичан расширить поставки оружия и снаряжения, но не откликнулся на балканские авансы Черчилля. Правда, Турция соглашалась на создание объединенной англо-турецкой комиссии. Однако последующие события, в частности штабные переговоры, показали, что с ее стороны это был тактический ход и что она не собиралась всерьез даже разрабатывать, а тем более выполнять планы военного сотрудничества двух стран, которые вскоре были предложены Лондоном⁴².

Две недели спустя британский морской атташе уточнил мнение турецких руководителей об итогах встречи в Адане. Как полагал генеральный штаб Турции, Черчилль принял ее нейтралитет до конца войны, в этот период турецкая армия должна усиливаться, чтобы после краха Германии англичане имели надежный бастион в лице сильной Турции и справились с трудной ситуацией на Балканах. Можно сомневаться в искренности принятия британским премьером нейтралитета Турции до конца войны. В остальном же позиции турецких кругов и английских правителей практически совпадали, да и британская дипломатия не возражала против подобного понимания Анкарой результатов бесед в Адане⁴³.

Правительство США получило информацию о переговорах Черчилля с Иненю в Адане⁴⁴. Поскольку Анкара не дала никаких обещаний о вступлении в войну, это означало, что в Восточном Средиземноморье сохранялось прежнее политико-стратегическое положение. Вследствие этого оставался в силе принцип средиземноморской стратегии союзников, на котором настаивали в

³⁹ FRUS, 1943, Vol. 4, p. 1061.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ PRO, FO, 371/37516, R 2326/1016/44.

⁴² PRO, FO, 371/37516, R 1102/1016/44; Wilson H. M. Op. cit., p. 155—158.

⁴³ Howard M. Op. cit., Vol. 4, p. 378.

⁴⁴ Правда, англичане умалчали об обещании привлечь Анкару к решению упомянутых выше балканских вопросов (FRUS, 1943, Vol. 4, p. 1061; PRO, FO, 371/37516, R 1016/1102/44).

Касабланке американцы. Суть его состояла в том, чтобы сосредоточить основные усилия союзников в центральном бассейне Средиземноморья.

В связи с позицией США относительно Аданы следует коснуться одной важной линии американской политики в Турции. 5 февраля Рузвельт направил Штейнгардту, с которым был в дружеских отношениях, два письма по личным каналам связи, а не через госдепартамент. Он просил сообщить ему впечатление от встречи Черчилля с Иненю, а также донести «сугубо конфиденциально, как идут дела у Дж. Эрла на дипломатическом поприще»⁴⁵.

На первый взгляд кажется странным, что президент просил повторить то, что посол уже сделал в двух донесениях в госдепартамент. Однако недоумение исчезает, если учесть, что эти письма и деятельность Эрла как главы разведслужбы США в Турции совпадали по времени.

В январе 1943 г. Эрл запустил первый пробный шар для установления контактов с гитлеровской Германией⁴⁶. Запрос Рузвельта свидетельствовал, что президент внимательно следил за его деятельностью. Зная, что и в предыдущий период войны турецкие круги выступали посредниками между двумя воюющими коалициями, Рузвельт, вероятно, хотел выяснить через посла, пытались ли турки и в Адане возобновить свое посредничество.

Сразу же после Аданы американцы попытались вновь установить контакт с гитлеровцами. В феврале — марте 1943 г. кардинал Спелман, глава католической церкви в США и крайне антисоветская фигура в мире американской буржуазии, посетил основные центры посредничества между Западом и гитлеровцами — Лиссабон, Мадрид, Ватикан и Анкару. Важно отметить, что Рузвельт специально просил Хэлла помочь в организации контактов кардинала в этих странах⁴⁷.

В марте 1943 г. через турецкого министра иностранных дел Н. Менеменджоглу была организована встреча Спелмана с германской резидентурой в Турции. Однако сведения об этом попали в нацистские верхи. Беседа все же состоялась, но гитлеровцы ответили отказом на предложение Спелмана продолжить контакты на более серьезной основе⁴⁸.

⁴⁵ FDR. His Personal Letters, Vol. 2, 1937—1945. New York, 1950, p. 1397—1398.

⁴⁶ *Colvin I. Canaris*. London, 1971, p. 182. Еще до беседы с главой гитлеровской разведки в Турции П. Леверкюном, подтвердившим цель деятельности Эрла, Колвин знал об этом из других источников.

⁴⁷ FDR. His Personal Letters, Vol. 2, p. 1399—1400. Сам факт запроса Рузвельта и контакт американцев с гитлеровской Германией наводят на мысль, что президент получил какую-то информацию о попытках турок в Адане посредничать между Берлином и Лондоном. Германский посол в Турции Панен утверждал, что Иненю предлагал Черчиллю использовать возможность обсуждения с ним, Паненом, планов быстрого окончания войны (*Papen F. Op. cit.*, p. 494—495).

⁴⁸ *Colvin I. Op. cit.*, p. 183.

Весной 1943 г. Лондон, пытаясь до конца использовать «формулу Касабланки» и англо-турецкую договоренность в Адане, расширил поставки оружия и снаряжения в Турцию. Представители США в союзном координационном комитете в Анкаре без особого энтузиазма наблюдали, как англичане направляли оружие в Турцию, предоставляемого им в рамках соглашения о ленд-лизе. Как выразился один американский специалист, англичане «кормили 8-дневного ребенка обедом из 8 блюд»⁴⁹. Даже Форин оффис и комитет начальников штабов считали, что турецкие власти явно завышают свои потребности, особенно в бензине и топливной нефти⁵⁰.

В Лондоне, вероятно, полагали, что на основе такого обильного «питания» Турция станет сговорчивее в отношении военного сотрудничества и позволит переступить границы договоренности в Адане. Однако надежды англичан не сбылись. Правда, 18 марта в Анкару прибыл с кратковременным визитом начальника штаба британских ВВС на Ближнем Востоке Ш. Дуглас. Но когда капрское командование решило направить в Турцию на длительный срок значительную по численности группу офицеров, турецкие власти воспротивились этому⁵¹.

Англичане были вынуждены на данном этапе отказаться форсировать военное проникновение в Турцию. Во время визита в Анкару 18 апреля командующего британскими силами на Ближнем Востоке генерала Г. Уилсона турецкие лидеры откровенно заявили, что они вступят в войну лишь в случае угрозы немедленного нападения на их территорию. И лишь тогда мог быть введен в действие план «Хардихуд», согласно которому англичане обязывались предоставить в четыре этапа помощь в размере 50 эскадрилий ВВС, нескольких полков ПВО и противотанковой артиллерии и двух танковых дивизий⁵². Командование в Капре вскоре убедилось, что согласие турок на план «Хардихуд» было чисто формальным. Если бы Анкара всерьез опасалась нападения Германии, она немедленно начала бы готовиться к принятию столь значительной помощи. Но тот же Уилсон свидетельствует, что Турция не хотела готовиться к реализации этого плана⁵³.

Тем не менее английское правительство сохраняло доброжелательность к Анкаре. Оно подтвердило согласие о добровольном вступлении Турции в войну и продолжало снабжать ее в прежнем объеме⁵⁴. 26 апреля Черчилль направил в Вашингтон послание, в котором отвергал американские упреки в слишком обширном списке поставок и просил одобрить его программу. Последняя включала только на апрель — июль 1943 г. примерно 2150 ав-

⁴⁹ PRO, PREM 3/471, p. 428.

⁵⁰ Howard M. Op. cit., Vol. 4, p. 380—381.

⁵¹ Ibid., p. 380.

⁵² Ibid., p. 381.

⁵³ Wilson H. M. Op. cit., p. 156.

⁵⁴ Howard M. Op. cit., Vol. 4, p. 381.

то- и бронетранспортных единиц, в том числе 240 грузовиков и 240 тягачей, 400 полевых, 50 самоходных и 36 орудий ПВО⁵⁵.

Такое отношение британских властей к Турции будет не до конца ясным, если оставить в стороне то сложное и, как правило, скрытое соперничество Лондона и Вашингтона, которое пронизывало их политику в Турции с принятием «формулы Касабланки». Уже 29 января 1943 г. английские представители в союзном комитете по распределению вооружений потребовали от военного министерства США и организации по распределению поставок по ленд-лизу (ОЛЛА) уведомить турецкие власти, что отныне английские военные представители в Вашингтоне сами будут осуществлять поставки Турции по ленд-лизу, включая и ту их часть, которая шла непосредственно из США⁵⁶.

Передача контроля над поставками в руки британских чиновников ограничивала сферу американо-турецких отношений в момент, когда Анкара убедилась, кто является лидером в западном союзе. Неудивительно, что в своем протесте она прибегла к «сильным выражениям». Одно из них гласило, что «решение позволить Англии сохранить контроль над американскими поставками Турции является результатом обязательства Лондона другому союзнику (СССР.— А. Ч.) сохранить Турцию слабой»⁵⁷.

Конечно, дело заключалось не в стремлении «оставить Турцию слабой» — как мы видели, англичане вовсе не намеревались делать это, — а в борьбе западных партнеров за влияние на Анкару, и поставки по ленд-лизу стали одной из сфер такого соперничества. Осенью 1942 г. Вашингтон заставил англичан примириться с прямыми американо-турецкими связями в этом вопросе, и нужное соглашение уже было подготовлено⁵⁸. Но в Касабланке Лондон снова вышел вперед и спешил закрепить свой успех. Британская сторона отклонила попытку американцев сохранить де-факто прежнюю схему прямых связей с турками и добилась ликвидации американо-турецкого соглашения⁵⁹.

Анкара же стремилась сохранить прямые связи с США в этом вопросе. Вскоре после возникновения инцидента посол Турции в Вашингтоне Эржетюн официально уведомил Хэлла об учреждении по договоренности с ОЛЛА турецкого бюро по снабжению, которое должно было ведать отношениями двух стран в вопросах

⁵⁵ PRO, CAB 66/37, WP(43)236, p. 160—161; PRO, PREM 3/471. The Prime Minister to President, April 26, 1943.

⁵⁶ FRUS, 1943, Vol. 4, p. 1091.

⁵⁷ Ibid., p. 1091—1092. Следует отметить, что Э. Вейсбанд не только соглашается с таким толкованием причин протеста Турции, но и добавляет, ссылаясь на личное интервью с Иненю: «Любое решение, даже лишь создающее впечатление о намерении отрезать Анкару от Вашингтона или устранить США от прямой ответственности перед Турцией, глубоко беспокоило турецких деятелей» (Weisband E. Op. cit., p. 128—129).

⁵⁸ Alvarez D. The Embassy of L. A. Steinhardt: Aspects of Allied-Turkish Relations, 1942—1945.— «East European Quarterly», 1975, Vol. 9, N 1.

⁵⁹ FRUS, 1943, Vol. 4, p. 1092.

ленд-лизу⁶⁰. В ноте отмечалось, что бюро уполномочено вести дела по закупке товаров и на открытом рынке. В целом Анкара явно надеялась на сохранение в какой-то форме прямых связей с ОЛЛА.

Американцы действовали в том же направлении. 5 марта помощник госсекретаря С. Уэллес в телеграмме в Анкару, сообщая об отмене прежней схемы отношений между ОЛЛА и турецкими чиновниками, подчеркнул, что Вашингтон делает ставку на «четкое разделение военных и невоенных статей» поставок и что «невоенные статьи поставок для Турции будут по-прежнему находиться в ведении ОЛЛА»⁶¹. Кроме того, США не собирались целиком устраняться и от военных поставок. Уэллес информировал посла, что американские чиновники сохраняют связи с турецкими коллегами для оказания «совета и помощи» при оформлении военных поставок⁶².

Таким образом, первый раунд англо-американского соперничества в Турции в вопросе снабжения ее оружием и снаряжением закончился в пользу младшего партнера. Однако американское правительство не собиралось следовать духу и букве «формулы Касабланки», которая предполагала ограничение действий Вашингтона в отношении Турции. В середине марта 1943 г. в связи с пребыванием в США английской делегации во главе с А. Иденом американцы попытались ослабить значение «формулы». Советник госдепартамента У. Мэррей в беседе с помощником заместителя британского министра иностранных дел У. Стрэнгом заявил: «Некоторые английские чиновники как будто считают, что соглашение Рузвельта и Черчилля в Касабланке ограничивает самостоятельность США в отношении Турции не только в военной, но и в политической и экономической сферах»⁶³. Подчеркнув, что это полностью противоречит точке зрения Вашингтона, советник просил подтвердить, что «британское правительство согласно с нашим толкованием договоренности в Касабланке как никоим образом не ограничивающей независимость действий американского правительства в *политической и экономической сферах*»⁶⁴.

В меморандуме госдепартамента, подготовленном для руководства американской дипломатии в турецких делах, четко проводилась установка на исключение политико-экономической области из сферы действия «формулы Касабланки» и на разделение военных и невоенных поставок по ленд-лизу. «Если англичане,— говорилось в нем,— настаивают на широком определении поставок и добьются того, что все снабжение Турции по ленд-лизу пойдет

⁶⁰ FRUS, 1943, Vol. 4, p. 1093.

⁶¹ Ibid., p. 1094—1095.

⁶² Ibid., p. 1066.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ibidem.

через британские руки, турки могут прийти к выводу, что Америка потеряла к ним всякий интерес»⁶⁵.

Судя по реакции Лондона, второй раунд борьбы союзников вокруг соглашения в Касабланке — он падает на весну и лето 1943 г. — оказался благоприятнее для Вашингтона, хотя внешне его результат походил скорее на компромисс. Англичане приняли идею разделения военных и невоенных поставок и внесли ее в новое соглашение с Турцией. Что же касается отделения политико-экономической сферы от военной, британские дипломаты заняли уклончивую линию⁶⁶.

Она объясняется тем, что при подготовке новой союзной встречи в верхах в мае 1943 г. Черчилль настойчиво добивался согласия Рузвельта на расширение действий союзников в отношении Турции и Балкан⁶⁷.

Однако Вашингтон не склонен был проявлять поспешность. В дискуссии Рузвельт заметил, что он предпочитает, чтобы Турция заняла «более благоприятную для Объединенных Наций позицию только при помощи дипломатических средств», и это заявление означало отказ использовать нажим на Анкару для ее вступления в войну во второй половине 1943 г.⁶⁸

В итоговом документе майской конференции в Вашингтоне содержался единственный пункт о Турции, где подтверждалась британская ответственность за поставки ей вооружения по ленд-лизу⁶⁹. В сущности это была своеобразная ревизия «формулы Касабланки» и победа американцев в вопросе исключения политико-экономической области из сферы ее действия. Если к тому же учесть, что американцы добились снижения поставок Турции в перечне приоритетов Объединенного комитета начальников штабов⁷⁰, то можно с полным основанием считать, что США внесли перелом в борьбе за Турцию и фактически обезвредили неблагоприятное для себя действие «формулы».

Британская дипломатия, понимавшая значение принятых решений, попыталась исправить положение. В Лондоне сделали вид, что вашингтонские решения по существу как бы не затрагивают «формулу Касабланки», и решили продолжить мартовскую дискуссию по турецкому вопросу. В июне 1943 г., убедившись, что официальный протокол соглашения в Касабланке говорит в пользу англичан, Форин оффис напомнил госдепартаменту, что «пре-

⁶⁵ FRUS, 1943, Vol. 4, p. 1099.

⁶⁶ FRUS, 1943, Vol. 4, p. 1103. В документах госдепартамента говорится, что Стрэнг согласился с точкой зрения американцев (*ibid.*, p. 1064). Однако в связи с последующими действиями Лондона это утверждение вызывает сомнение. Скорее всего Стрэнг согласился еще раз посмотреть «формулу Касабланки».

⁶⁷ The Conferences at Washington and Quebec 1943. Washington, 1970, p. 21—27, 222—227.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 29.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 371.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 144—145.

зидент дал премьер-министру первостепенную ответственность в «ведении игры» с Турцией»⁷¹. Первый секретарь британского посольства М. Райт подчеркнул, что под «ведением игры» следует понимать все вопросы, связанные с участием Турции в войне.

Столь недвусмысленный намек заставил американцев сделать ответный выпад. «Надеюсь, это не значит, — проронически заметил Эллинг, — что мистер Стрэнг понимает «ведение игры» как отказ моего правительства от каких-либо независимых действий относительно Турции в политической сфере»⁷².

Как видно, госдепартамент понял значение уступки Рузвельта. Государственный секретарь Хэлл не без основания утверждал, что Англия пыталась отеснить своего старшего партнера на вторые роли не только в военном снабжении Турции, но и в политико-экономических вопросах⁷³.

Вашингтону пришлось прибегнуть к самому вескому аргументу: 10 июля государственный секретарь США с одобрения Рузвельта направил ноту английскому правительству, в которой самым решительным образом подтверждалась уже известная американская точка зрения на формулу «ведение игры»: «Каковы бы ни были военные соглашения, мне неизвестно никакое обязательство президента в Касабланке, которое бы вело тем или иным путем к отказу США от своей полной самостоятельности действий в отношениях с Турцией в политической и экономической сферах в ходе войны или после нее»⁷⁴.

Англичане сделали последнюю попытку оспорить американскую трактовку вопроса. В связи с получением ноты М. Райт указал: «Когда премьер-министр запросил и получил согласие президента осуществлять первостепенную ответственность за «ведение игры» с Турцией, он включил в эту просьбу и «дипломатические дела» в добавление к прямым поставкам Англией американского военного снабжения по ленд-лизу»⁷⁵.

Не опровергнув до конца британскую аргументацию, которая основывалась на строго формальной трактовке соглашения, американцы просто решили настоять на своем. Когда Райт намекнул о намерении посольства дать официальный ответ в духе своих устных разъяснений, Мэррей заявил, что нота одобрена самим

⁷¹ FRUS, 1943, Vol. 4, p. 1065.

⁷² Ibidem.

⁷³ Hull C. Op. cit., Vol. 2, p. 1367. Белый дом вплоть до июля 1943 г. не сообщал госдепартаменту о формуле «ведение игры» относительно Турции. И даже когда дипломатический конфликт с Лондоном был разрешен и Хэлл запросил 19 июля протоколы Касабланки о Турции, адмирал У. Леги вручил нужную выписку только после санкции Рузвельта. Негодование Хэлла выразилось в специальном меморандуме на имя Рузвельта, где прямо говорилось, что в Касабланке президент пошел на уступку, нанеся ущерб интересам США (Leahy W. Op. cit., p. 173).

⁷⁴ FRUS, 1943, Vol. 4, p. 1067.

⁷⁵ Ibid., p. 1068.

президентом и что продолжать дискуссию бесполезно⁷⁶. При этом американский дипломат добавил: «Полагаю, вы согласитесь, что мое правительство не собирается отказываться от всех прав на прямые дипломатические отношения с Турцией. Иначе не было бы нужды держать американское посольство в Анкаре, а турецкое в Вашингтоне»⁷⁷.

Так закончился этот важный эпизод союзной политико-дипломатической борьбы за Турцию. Ее итог убедительно показал реальную расстановку сил внутри западного союза. Именно на ее основе Вашингтон без всякого стеснения отказался от уступки, данной младшему партнеру в январе 1943 г. Это был важный этап в борьбе союзников за влияние в Турции в рамках дальнейшего втягивания ее в орбиту Запада. И хотя Лондон еще не терял надежды сохранить свои позиции в Турции, исход этой борьбы в значительной мере был предопределен.

Во второй половине 1943 г. общая цель политики правительства Черчилля в Турции не изменилась. Но поражение, понесенное англичанами, заставило его сменить акценты в использовании тактических средств.

Хотя в пропагандистских целях англичане и в первой половине 1943 г. утверждали, что они всерьез добивались скорейшего вступления Турции в войну, практические дела, как мы видели, не подтверждали этот тезис. В Лондоне исходили из того, что независимо от вступления Турции в войну и во всяком случае до ее окончания турецкие правящие круги будут следовать за Англией в вопросах восточносредиземноморской и балканской политики. Там рассчитывали добиться этого поставками оружия и использованием политико-дипломатических средств.

В ходе различных совещаний западных союзников летом и осенью 1943 г., особенно в Квебеке и Вашингтоне, Лондон убеждал своего партнера начать широкие военные действия в восточном бассейне Средиземного моря, чтобы заставить Турцию вступить в войну, а затем приступить к реализации балканского варианта средиземноморской стратегии⁷⁸. Однако американское руководство весьма сдержанно отнеслось к турецко-балканским проектам Черчилля. Вашингтон, который в начале августа 1943 г. склонялся к отправке на Средиземноморский театр дополнительно семи американских дивизий вместо семи союзных, перебрасываемых на Британские острова после 1 ноября 1943 г., отказался сделать это, так как, по словам Маршалла, «дополнительные дивизии должны составить экспедиционные силы, которые англичане могли использовать на Балканах». В беседе со своими стратегами Рузвельт дал понять, что не намерен содействовать планам укрепления британского господства в этом районе⁷⁹.

⁷⁶ FRUS, 1943, Vol. 4, p. 1068—1069.

⁷⁷ Ibid., p. 1069.

⁷⁸ Churchill W. Op. cit., Vol. V, p. 120—122.

⁷⁹ The Conferences at Washington and Quebec, 1943, p. 498—499.

В заключительном документе Квебекской конференции возобладала американская точка зрения относительно действий в Восточном Средиземноморье. Там говорилось, что еще не пришло время для вступления Турции в войну и что союзники должны продолжать подготовку аэродромов и других сооружений и поставлять ей оружие и снаряжение⁸⁰. Включенная в доклад Объединенного комитета начальников штабов оговорка о возможности сокращать или увеличивать поставки туркам в зависимости от потребностей на других театрах, а также «в той мере, в какой турецкие власти могут освоить оружие»⁸¹, позволяла Вашингтону ограничить действие этого фактора как орудия усиления английского влияния в Турции.

Осенью 1943 г. в новой ситуации, сложившейся под решающим влиянием побед Советской Армии, правительство Англии стремилось воспользоваться капитуляцией Италии, чтобы вовлечь союзные войска в военные действия в Эгейском море и на побережье Балканского полуострова. Поскольку ближневосточное командование в пределах собственных возможностей имело право осуществлять операции «на свой страх и риск», англичане начали в сентябре 1943 г. действия по овладению Додеканес, а затем стали настойчиво просить Вашингтон поддержать их переброской войск и десантных средств из центрального бассейна Средиземного моря⁸².

Однако и эта попытка не удалась. Рузвельт откровенно дал понять, что не согласен с «намерением идти дальше захвата Родоса», т. е. с вовлечением Турции в войну. Президент не скрывал, что американцы возражают против широких британских планов не только по военно-техническим, но и по сугубо политическим мотивам. Он считал достаточным со стороны Турции сохранение «благожелательного нейтралитета»⁸³. Это означало, что американское правительство согласилось с овладением Додеканес при условии, что операция не повлечет за собой втягивания Турции в войну⁸⁴.

Тогда Лондон решил использовать то обстоятельство, что СССР в целях расширения фронта борьбы с фашистским блоком настаивал на разрыве Анкары с Германией и вступлении Турции в войну. Такое предложение было внесено на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии в октябре 1943 г.⁸⁵

20 октября Черчилль направил Идену телеграмму с просьбой выяснить «реальные настроения русских относительно Балкан»

⁸⁰ Ibid., p. 1131.

⁸¹ Ibid., p. 480.

⁸² Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». М., 1964, с. 331; Churchill W. S. Op. cit., Vol. V, p. 186—190.

⁸³ Мэтлофф М. Указ. соч., с. 330.

⁸⁴ Ulman A. Op. cit., p. 567.

⁸⁵ The Conferences at Cairo and Tehran 1943. Washington, 1961, p. 134—136.

и их точку зрения на действия Англии в Эгейском море с последующим вовлечением Турции в войну и открытием Дарданелл и Босфора⁸⁶. Поскольку в Лондоне не могли рассчитывать на одобрение Советским правительством неприкрытого намерения отказать от высадки англо-американских войск в Западной Европе весной 1944 г. даже ценой «оказания помощи русскому наступлению через Черное море», Иден скрыл подлинные замыслы англичан. Предполагаемое согласие СССР на балкано-турецкие планы нужно было Черчиллю как аргумент, чтобы убедить Вашингтон отказаться от плана «Оверлорд» или значительно отсрочить его осуществление.

Однако в Москве понимали, что англичане в действительности имели в виду не помощь Советской Армии и сокращение сроков войны, а утверждение британского империализма в зоне проливов и на Балканах, чтобы с позиций силы диктовать условия мира в Восточной и Юго-Восточной Европе. Расхождение точек зрения СССР и Англии в данном вопросе ясно обнаружилось на заключительном этапе Московской конференции. Когда стало очевидным, что СССР сдержанно относится к «правостороннему продвижению» союзников, а США отказываются нажимать на Анкару, Иден на заседании 28 октября не поддержал советское предложение потребовать от Турции немедленного разрыва с Германией и объявления ей войны⁸⁷. В то же время англичане не прекращали поставлять оружие туркам и использовать это как средство давления на Анкару.

Правительство Черчилля все же согласилось подписать 1 ноября англо-советский протокол, в котором подчеркивалась важность вступления Турции в войну до конца 1943 г. Стороны решили в ближайшее время сделать соответствующее предложение Анкаре, а также потребовать немедленного предоставления воздушных баз и других сооружений в распоряжение Объединенных Наций⁸⁸.

Дипломатия США, ведя свою тактическую линию в Турции, вначале не приняла участия в этом протоколе. Однако, учитывая пожелание Советского правительства, Рузвельт 4 ноября присоединился к протоколу при условии, что никакие британские и американские войска не будут отвлечены в Восточное Средиземноморье, если они необходимы для подготовки «Оверлорда» или операций в Италии⁸⁹.

В начале ноября в Капре состоялась встреча Идена с турецким министром Менеменджоглу. В ходе нее англичане добивались принятия турками требования о предоставлении воздушных баз фактически только для британских сил. Аргументация Идена показывает, сколь далека была реальная позиция Лондона от со-

⁸⁶ Churchill W. S. Op. cit., Vol. V, p. 255.

⁸⁷ The Conferences at Cairo and Tehran 1943, p. 121, 123—125.

⁸⁸ Ibid., p. 148.

⁸⁹ The Conferences at Cairo and Tehran 1943, p. 151; Leahy W. Op. cit., p. 190.

гласовапной в упомянутом протоколе. Английский министр не только солидаризировался с подозрениями Менеменджоглу «относительно намерений русских и их проникновения на Балканы», но и заверил, что западные державы до конца войны не признают границ СССР в Восточной Европе, чтобы использовать это в качестве средства давления на Советское правительство⁹⁰.

Турки оказались несговорчивыми, и британская сторона прибегла к нажиму, преследуя антисоветские цели. Иден обрисовал перспективу «слабости Турции перед лицом России, если Анкара откажется принять английские требования»⁹¹. Кроме того, продолжение поставок оружия будет зависеть от положительного ответа турецкой стороны. В пылу полемики англичане бросили упрек Менеменджоглу, заявив, что, «если Турция не использует оружие, поставляемое ей против немецко-фашистских войск, Советский Союз еще больше может утвердиться во мнении, что турки намерены использовать это оружие против России»⁹². Выдвигая требование о вступлении Турции в войну, британская сторона не имела при этом планов участия турецких вооруженных сил в стратегических замыслах союзников в Восточном Средиземноморье⁹³.

Это обстоятельство показывает, что для англичан суть проблемы вступления Турции в войну заключалась не в реальном участии Турции в борьбе с фашистской Германией, на чем настаивал СССР, а в использовании тех последствий, которые вытекали для Лондона из формального присоединения Анкары к антигитлеровской коалиции.

Два из них имели особое значение в плане восстановления и укрепления позиций британского империализма в Юго-Восточной Европе. Во-первых, использовать турецкую территорию как плацдарм для возвращения на Балканы. Во-вторых, утвердиться в проливах, чтобы не допустить изменений некоторых положений конвенции Монтре, неудовлетворительных для СССР и других черноморских стран. В конце сентября 1943 г. английский Комитет стратегического планирования откровенно выразил цель политики Лондона в отношении Дарданелл и Босфора: «В высшей степени важно, чтобы Россия ... не получила неограниченного права прохода через проливы»⁹⁴.

12 ноября английское правительство утвердило весьма важный меморандум, согласно которому Лондон намеревался бороться на ближайшем совещании союзников за радикальный пересмотр решений Квебека о высадке в Западной Европе весной

⁹⁰ Ibid., p. 164—166.

⁹¹ Ibid., p. 166.

⁹² Ibid., p. 180.

⁹³ Турецкая делегация сразу же учла этот факт, но употребила его как аргумент для отказа выполнить требование англичан (The Conferences at Cairo and Tehran 1943, p. 165).

⁹⁴ PRO, CAB 119/41, JP(43)294 Final, Sept. 22, 1943.

1944 г., чтобы превратить свои действия в Восточном Средиземноморье в главное направление стратегии западных держав в Европе⁹⁵. В этом документе две отмеченные цели были подтверждены как важнейшие в случае реализации восточносредиземноморского направления, а замысел относительно Турции и проливов имел большее значение, чем собственно балканские планы англичан⁹⁶.

Но еще до решающей дискуссии в Каире и Тегеране американское руководство приняло некоторые меры для противодействия английским замыслам. 26 октября, когда в Москве шло обсуждение турецкого вопроса, Рузвельт направил Иненю многозначительное послание, где намекал на то, что Вашингтон в сущности одобряет позицию отказа Анкары от реального участия в вооруженной борьбе на стороне союзников. Здесь же Рузвельт дал понять, что надеется на скорую встречу с президентом Турции⁹⁷.

Эта поддержка из-за океана сыграла немалую роль в том, что Анкара дала фактически отрицательный ответ на предложение Идена в Каире, хотя формально Турция «решила в принципе» вступить в войну⁹⁸. Одновременно в Вашингтон пришло сообщение, что Иненю готов встретиться с Рузвельтом «в любом месте Ближнего Востока»⁹⁹.

На совещании Рузвельта и Черчилля в Каире 22—26 ноября 1943 г., которое было предварительным обменом мнениями перед конференцией «большой тройки» в Тегеране, вопрос о Турции не вызвал серьезной дискуссии. Хотя американские стратеги считали «желательным» вступление Турции в войну, они опасались чрезмерно активной позиции англичан в этом вопросе и настаивали на сотрудничестве с СССР в подходе к Турции¹⁰⁰. Однако из тактических соображений Рузвельт пошел на несколько больший компромисс с англичанами, допуская более широкие действия союзников в Восточном Средиземноморье, вплоть до вовлечения Анкары в войну до конца 1943 г. и открытия проливов¹⁰¹.

Дискуссия по турецкому вопросу в Тегеране показала, что английская дипломатия пыталась соблазнить СССР мнимой перспективой получения крупных выгод при использовании небольших сил в случае вступления Турции в войну. Для большей убедительности она не настаивала на выделении для действий в Эгейском море дополнительных сил, кроме имевшихся в распоря-

⁹⁵ Кулиш В. М. История второго фронта. М., 1971, с. 290.

⁹⁶ Эрман Дж. Указ. соч., т. 5, с. 139.

⁹⁷ The Conferences at Cairo and Tehran, 1943, p. 43. В тот же день Рузвельт сообщил Хэллу в Москву, что США не намерены оказывать пажим на Анкару даже для формального объявления войны Германии.

⁹⁸ Weisband E. Op. cit., p. 191.

⁹⁹ The Conferences at Cairo and Tehran, 1943, p. 86.

¹⁰⁰ Ibid., p. 210.

¹⁰¹ Ibid., p. 330, 365, 410.

жении каирского командования 2—4 дивизий и 17—20 эскадрилий¹⁰². Но англичане просили передать им десантные средства, предназначенные для высадки в Западной Европе весной 1944 г., и «отложить операцию «Оверлорд» на срок, который потребовался бы для использования этих судов в Средиземном море»¹⁰³.

Принципиальная разница британского и советского подхода к вступлению Турции в войну обнаружилась еще резче в ходе дальнейшей дискуссии. СССР считал необходимым реальное участие турецких вооруженных сил в борьбе «именно против Германии», как заявил Сталин в беседе 1 декабря¹⁰⁴. Англичане же добивались реализации уже известной программы в отношении Турции, особенно вступления своих войск на ее территорию. Кроме того, в выступлении Черчилля 29 ноября прозвучало намерение использовать Турцию как своеобразного посредника, чтобы содействовать переходу правящих кругов Болгарии, Венгрии и Румынии на сторону западных союзников¹⁰⁵.

Как уже отмечалось, никакого реального плана участия Турции в войне у британской делегации не было. Когда Рузвельт и Сталин подняли вопрос о той помощи, которую союзники могли бы предоставить туркам в случае их участия в войне, Черчилль откровенно заявил: «Что касается тех 2—3 дивизий, о которых говорит маршал Сталин, то английское правительство выделило их для овладения Эгейскими островами в случае вступления Турции в войну, а не для помощи ей... Никаких войск я туркам не дам. Думаю, что войска им и не требуются»¹⁰⁶. Последние слова обнажают существо позиции Лондона: не реальная борьба с фашистской Германией, а формальное объявление войны Турцией как устранение последнего серьезного препятствия для вовлечения Анкары в фарватер британской политики.

Чтобы скрыть антисоветскую направленность своих замыслов, Черчилль утверждал, что «жатва», т. е. последствия вступления турок в войну, будет выгодна всем и что она «облегчит бремя России» и обеспечит успех операции «Оверлорд»¹⁰⁷. Он даже упомянул о возможности согласия Англии на отмену невыгодных для СССР положений конвенции Монтре¹⁰⁸. В действительности, как мы видели, Лондон добивался недопущения свободного прохода советского флота через проливы. В еще меньшей степени могли ввести в заблуждение посулы Черчилля относительно облегчения тяжести борьбы для СССР.

¹⁰² Тегеран — Ялта — Потсдам. Сб. документов. М., 1970, с. 44—45, 72, 86.

¹⁰³ Там же, с. 48.

¹⁰⁴ Там же, с. 90.

¹⁰⁵ Там же, с. 48—91.

¹⁰⁶ Там же, с. 86—87.

¹⁰⁷ Там же, с. 68—69.

¹⁰⁸ Грухановский В. Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. М., 1965, с. 439—440; Howard H. N. Op. cit., p. 184—185.

Американская делегация заняла осторожную позицию в отношении вовлечения Турции в войну и операций в Эгейском море. Характерным в этом отношении было заявление Рузвельта 28 ноября: «Конечно, я за то, чтобы заставить Турцию вступить в войну, но, будь я на месте турецкого президента, я запросил бы за это такую цену, что ее можно было бы оплатить, лишь нанеся ущерб операции «Оверлорд»»¹⁰⁹.

За этой фразой стоит не только хорошее знание позиции Турции, которая обнаружилась в ноябрьских беседах в Каире и Анкаре. Рузвельт был убежден, что Турция не вступит в войну потому, что отсутствует важнейшее условие такого шага — предварительная или одновременная высадка крупных сил западных союзников на Балканах¹¹⁰. США в конце 1943 г. в силу целого ряда причин, и в частности не желая содействовать восстановлению британских позиций в Юго-Восточной Европе, твердо противились такой высадке. Тем самым Вашингтон не только определял точку зрения Анкары в данном вопросе, но и в значительной степени создавал для Лондона своего рода замкнутый круг, разорвать который англичане так и не смогли. Даже малая акция в Эгейском море, не говоря уже о крупном десанте на Балканах, требовала предварительного вступления Турции в войну. А это последнее с точки зрения турецкого правительства, с которой американцы молчаливо соглашались, предполагало в качестве обязательного условия высадку союзных сил на Балканах.

Итогом обсуждения турецкого вопроса в Тегеране стало решение еще раз предложить Анкаре вступить в войну до конца 1943 г. 4—7 декабря 1943 г. в Каире состоялась встреча Рузвельта и Черчилля с Иненю. Уже в самой форме обращения к туркам было отступление от тройственной договоренности. Иненю был приглашен не для информации о постановлении в Тегеране, а для «свободного обмена мнениями между равноправными партнерами»¹¹¹.

Западные лидеры сделали формальное предложение Турции вступить в войну не позднее февраля 1944 г. Однако уже первая беседа показала, что они, и особенно Черчилль, прежде всего добивались втягивания Турции в орбиту западной политики и противопоставления ее Советскому Союзу. Черчилль, как и ранее в Адане, стремился преднамеренно усилить «турецкие опасения относительно России». «Если турки не присоединятся к союзникам теперь, они могут остаться одни», — заявил британский премьер. Чтобы не оставить никаких сомнений в том, к кому именно прикнута, он предупредил Иненю не упустить шанс «присоединить-

¹⁰⁹ Тегеран — Ялта — Потсдам, с. 46—47.

¹¹⁰ См. упомянутое ранее донесение Штейнгардта Рузвельту 14 ноября 1943 г. (The Conferences at Cairo and Tehran 1943, p. 191—192).

¹¹¹ The Conferences at Cairo and Tehran 1943, p. 663.

ся к англоязычным нациям численностью до 200 млн. человек»¹¹².

Рузвельт, который в этих беседах больше слушал, чем говорил¹¹³, попытался несколько сгладить откровенные высказывания Черчилля и посоветовал «всерьез рассмотреть преимущества дружбы с Россией». Однако британский премьер тут же внес поправку, смысл которой состоял в том, что он имеет в виду не дружбу Турции и СССР, а только «связи двух стран». И Черчилль снова подчеркнул, что речь идет о присоединении Анкары к западным союзникам, а не к антигитлеровской коалиции¹¹⁴. Затем английский лидер напомнил туркам, что они своим вступлением в войну могли бы весьма содействовать переходу Балканских стран на сторону англо-американцев: «Румыния уже сейчас просит о мире, а Венгрия желает выйти из войны. Выступление Турции вызвало бы ряд изменений в этих странах, что было бы в высшей степени полезным и всячески приветствовалось бы»¹¹⁵.

Таким образом, английская сторона прилагала энергичные усилия, чтобы заставить представителей Турции дать определенное обещание объявить войну Германии хотя бы вскоре после 15 февраля 1944 г. Это открывало для Лондона новые каналы для укрепления его позиций в Турции. В качестве средства нажима были оглашены размеры поставок оружия по «списку Адапы». Оказалось, что с января по ноябрь 1943 г. Турция получила 350 танков, 500 противотанковых и 300 зенитных орудий, 620 мортир, 90 тыс. пулеметов и автоматов, 1 млн. противотанковых мин¹¹⁶.

Но турки понимали, что Вашингтон лишь формально поддерживал англичан, а по существу он не был заинтересован в их успехе. Характерно, что во всех трех беседах с Иненю Рузвельт ни разу не прибег к энергичному нажиму. Напротив, когда уговоры Черчилля приняли довольно жесткую форму, американский президент поспешил заверить, что никто не будет угрожать Турции, даже если она не примет предложение союзников¹¹⁷.

Турецкая сторона намекнула, что не возражает против дальнейшего сближения с Западом, если тот откажется от нажима на нее. Последняя тройственная беседа закончилась словами Иненю о том, что он даст ответ через 3—4 дня, но при условии «представления ему всех данных о размерах предстоящих поставок и о совместных планах союзников»¹¹⁸. Это была уже известная формула отказа.

¹¹² Ibid., p. 691—692.

¹¹³ Он беседовал отдельно с Иненю 5 декабря, но «никаких протоколов этой встречи не обнаружено» (ibid., p. 711).

¹¹⁴ The Conferences at Cairo and Tehran 1943, p. 694.

¹¹⁵ Ibid., p. 692.

¹¹⁶ Ibid., p. 729.

¹¹⁷ Ibid., p. 694.

¹¹⁸ Ibid., p. 747.

В попытке добиться хотя бы частичного успеха Черчилль встретился с Иденом 7 декабря, после отъезда Рузвельта из Каира. Несмотря на довольно сильный нажим с угрозой поставить под вопрос существование англо-турецкого союза, Иден лишь обещал рассмотреть схему подготовки к принятию британской помощи¹¹⁹. Это «рассмотрение» продолжалось и после 15 февраля 1944 г., когда истек срок ответа Анкары.

Итак, изучение дипломатической борьбы правящих кругов США и Англии за влияние в Турции с конца 1942 по конец 1943 г. позволяет сделать следующие выводы.

В течение исследуемого периода англо-американские союзники стремились втянуть Анкару в свою орбиту и помешать сближению Турции и Советского Союза. Это не только осложняло советско-турецкие отношения, но и затрудняло мобилизацию всех сил для скорейшего разгрома фашистского блока.

Однако в рамках такой политической стратегии Лондон и Вашингтон добивались усиления влияния в Турции, и потому ее реализация приняла форму политико-дипломатического соперничества. В его начальной фазе (январь — апрель 1943 г.) английскому правительству, которое использовало свое значительное преобладание на Ближнем Востоке и традиционные связи с турецкими правящими кругами, удалось потеснить американцев. «Формула Касабланки» определила ответственность Лондона в военно-политических вопросах отношений союзников с Анкарой. Вашингтон в известной мере потерял контроль над собственными поставками оружия и снаряжения в Турцию.

На совещании с турецкими лидерами в Адане в январе 1943 г. англичане добивались вступления Анкары в фарватер британской политики. Британские правящие круги, вопреки официальной версии, пущенной позднее Черчиллем, не были озабочены участием Турции в борьбе с фашистской Германией. Они хотели получить согласие Турции на расширение союзной военной помощи Анкаре и подготовку турецких баз и коммуникаций для введения в страну союзных, по существу британских, войск на более позднем этапе. Эта акция могла бы в значительной мере обеспечить успех Лондона в борьбе за влияние на правящие круги Анкары.

Во второй фазе соперничества, которая приходится на май — июль 1943 г., Вашингтон использовал заметно возросший свой удельный вес и фактически свел на нет преимущества Англии в «ведении игры» в Турции. Даже военные поставки, которые согласно «формуле Касабланки» по-прежнему шли через Лондон, перестали быть эффективным орудием британской политики. Наконец, заявлением госдепартамента в июле 1943 г. правительство США дало понять, что оно намерено основательно пересмотреть «правила игры» вокруг Турции.

¹¹⁹ The Conferences at Cairo and Tehran 1943, p. 755—756.

Осенью и зимой 1943 г., в заключительной фазе борьбы, британская дипломатия придала тезису вступления Турции в войну не только пропагандистское, но и военно-политическое значение. Она считала, что переход Анкары на сторону западных союзников имел бы своим последствием вступление британских войск в Турцию, укрепление Англии в зоне проливов и втягивание турок в восточносредиземноморские и балканские планы Лондона.

Однако это не вполне отвечало широким замыслам правительства США, которое в своем противодействии британским расчетам нашло выгодным сохранение прежнего нейтралитета Турции. Формально Вашингтон не возражал, а порой даже поддерживал английские требования к Турции о немедленном предоставлении баз союзным войскам и вступлении в войну в начале 1944 г. В действительности, как показали Тегеранская и Каирская конференции, США проявили достаточное «понимание» позиции Анкары, чтобы в значительной, если не в решающей, степени сорвать попытки Черчилля добиться хотя бы формального объявления Турцией войны гитлеровской Германии в начале 1944 г.